

А
Б
С
О
Л
Ю
Т
Н
Ы
Й

N N E

D A R

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Часть 1.

Anne Dar
Абсолютный.
Часть 1. Парадизар
Серия «Дикий Металл», книга 8

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69208228
SelfPub; 2023*

Аннотация

Получение ответов на все вопросы никогда не являлось синонимом обретения безопасности. Распутывая клубок странных тайн и опасных дилемм, выжившие в беспощадном соревновании на выносливость и везение встречаются лицом к лицу с ответами, многие из которых предпочли бы никогда не узнать. К кому-то возвращаются призраки из прошлых жизней, кто-то обретает непостижимую силу, одни переживают глубокие потрясения, другие погружаются в пучину новизны, некоторые ищут очередной выход, пока остальные умывают руки ожиданием, а кто-то теряет себя, чтобы найти нечто большее. Ничто уже не будет прежним – всё преобразуется, переродится или проявит себя в зеркальном отражении. Паддок и Конкур остались позади. Добро пожаловать в Парадизар.

Иллюстрированное издание!

Содержание

Глава 1.	4
День 1.	4
День 2.	8
Глава 2.	12
День 1.	12
Глава 3.	18
День 2.	18
Глава 4.	27
Глава 5.	36
Глава 6.	51
День 3.	51
Глава 7.	58
Глава 8.	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Anne Dar

Абсолютный.

Часть 1. Парадизар

Посвящается N.

Глава 1.

День 1.

Тринидад.

Холод разливался по моему телу, прокладывая себе путь по беспокойно пульсирующим венам. В меня что-то вливали. Что-то вызывающее наркотическую расслабленность. Моё подсознание неистовствовало, в то время как тело едва соглашалось подчиняться сознанию.

...Я её потеряла. До неё – многих, а теперь ещё и её. Кажется, Джеки стала последней, роковой каплей. Кубок переполнился. И алая жидкость, прожигающая всё на своём пути, начала растекаться по поверхности и жечь-жечь-жечь... Мою стойкость, мою силу, мою душу...

Распахнув глаза, я увидела себя лежащей в белой комнате, пронизанной, режущим глаза, белым освещением. Вокруг настолько стерильно чисто, что даже гадко... В руке торчала игла капельницы – в меня действительно вливали какую-то прозрачно-голубоватую жидкость. На изгибе руки наливались лиловыми пятнами сразу три синяка, красноречиво говорящие о том, что меня кололи минимум трижды.

Резко выдернув иглу из вены, но не выпустив её из руки, я села на краю кушетки, на которой очнулась. Голова немного закружилась, однако не критично. Поясница и шея онемели так, будто я очень долго пролежала недвижимо. Посмотрев на единственную имеющуюся в комнате, запертую дверь, я произвела тяжелый вдох. Я очнулась, значит нужно что-то делать...

Скорее оторвав, нежели отсоединив иглу от трубки капельницы, тем самым заставив жидкость начать вытекать из прозрачного пакета на отполированный пол, я направилась к двери... Заметив хромоту, я с облегчением отметила, что она вызвана всего лишь онемением мышц из-за долгого лежания, а не из-за какой-то травмы.

Согласно быстро сформировавшемуся в моей голове плану, я должна была вставить иглу в замочную скважину, прокрутить её и таким образом попробовать открыть дверь, если, конечно, изначально она окажется запертой. Но прежде чем я успела убедиться в том, что дверь заперта, и прежде

чем я успела обнаружить, что заперта она на электронный замок, что означало однозначный крах наброска моего плана с иглой, дверь вдруг распахнулась. Это произошло, когда я уже была всего лишь в шаге от нее. Не заметив меня, порог переступила молодая женщина в белом халате, с головой ушедшая в бумаги, которые она держала в своих некрепких руках. Я набросилась на неё. Прижала к стене. Её бумаги сразу же вихрем взвились у меня над головой... В глазах незнакомки мимолетно вспыхнул неподдельный испуг – я прижала иглу к её сонной артерии. Не осознавая того, я закричала прямо в испуганное лицо женщины:

– Что вы с ней сделали?! Куда вы её дели?!

– О ком ты говоришь?! – в ответ она тоже закричала, но с иной интонацией – с неподдельным ужасом.

– Джекки! Где её тело?! Вы забрали его, как забрали тела Бума, Парагриппа, Эффекта, Дефакто, Змееда?!

Я пропустила Яра... Хотела спросить, что с остальными, но только после того, как моя заложница успела бы ответить мне о Джекки и не получила бы в шею удар иглой... В итоге его получила я. В шею сзади что-то вкололи... Второй человек в белом халате, незаметно подошедший со спины... Я даже не успела понять, что именно произошло, а меня уже несли под руки обратно к кушетке, под которую на пол всё ещё продолжала затекать голубоватая жидкость из порванной трубки капельницы...

Моё сознание вновь помутилось и вскоре окончательно

ВЫКЛЮЧИЛОСЬ.

День 2.

Меня искусственно привели в сознание. На сей раз я лежала на подобии твердой софы, в коридоре с бежевыми стенами, на которых висели абстрактные картины, изображающие неровные узоры и бесформенные разводы красок. Над мной нависал парень лет двадцати, не очень высокий, худощавый, его бледное лицо обладало детскими чертами – крупные глаза, ровный и тонкий нос, пухлые розовые губы слегка приоткрыты.

Он что-то говорил, но, из-за звона в ушах, я расслышала только вторую часть его слов:

– ...Вы последняя, все остальные Вас уже ждут.

Я не задумывалась о том, в каком списке я стала последней и кто такие эти “все остальные”. Я просто приподнялась на локтях, затем села на край софы и постаралась отдышаться. Перед глазами на пару секунд потемнело, потом разъяснилось, и я вдруг рассмотрела под своими ногами ковровую дорожку красно-коричневого оттенка. Дыхание всё ещё давалось очень тяжело... Бросив взгляд на своё предплечье, я рассчитывала увидеть синяки от капельницы, но рукав был опущен, а я не хотела лишний раз шевелиться, даже чтобы уточнить подобное. Следующий взгляд я бросила на парня. Он был одет в белый костюм, но костюм этот не был похож на медицинский. На груди у него висел хромированный ме-

таллический бейдж с выгравированной надписью 20-1107.

– Что это значит? – начиная чувствовать внезапно быстрое возвращение своих сил и даже нахлыывающую, словно морские волны, бодрость, я приподняла руку и указала на его бейдж.

– Это моё имя.

– Двадцать тире тысяча сто семь – это твоё имя? Что за чушь?

– А вас зовут Дикая. Разве это тоже не странно?

– Моё имя Тринидад.

– А как зовут остальных?

– Кого “остальных”?

– Нэцкэ, Абракадабра, Яр...

Он знает их?! Я хотела вскочить и вцепиться в его тонкую шею, может быть даже послушать её хруст, но упоминание Яра меня вдруг остановило, и в итоге я лишь до боли сжала кулаки...

Из двери, расположенной слева от моей софы, вдруг начали выходить люди. Сначала я не поняла, кто это, а потом узнала в отмытых лицах и одетых не в лохмотья телах тех, кого на протяжении долгих недель, слившихся в месяцы, спасала, от которых долгие дни спасалась и пыталась спасти Джекки... Нэцкэ, Сладкий, Вывод, Абракадабра... Встав сбоку от меня и парня по имени 20-1107, они смотрели на меня, как на неизвестный экспонат. Я лишь мельком пробежала по их лицам, потом уперлась взглядом в стену напротив... К горлу,

но не к глазам, подкатила волна горечи... Я опустила взгляд под ноги и сильно поморщилась, мои плечи опустились, но вода к глазам так и не подошла...

– Ты чего? – рядом оказался Вывод. Сделав шаг вперед, он сначала хотел положить свою большую руку на моё внешне ставшее маленьким плечо, но остановился на полпути. Видимо ещё помнил, что со мной нельзя просто так... Убивать меня в Конкуре можно было, а вот так вот просто класть руку на моё плечо – нельзя.

– Джекки убил Яр... – я наконец ответила. Мой голос неожиданно сильно осип и показался мне не моим, чужим и далеким, звучащим из самых недр не моей груди. А слёз всё не было. Только боль-боль-боль и горечь-горечь-горечь, но никакой влаги в глазах...

– Там всё вышло немного не так, – голос Нэцкэ. Она говорила о Конкуре, как будто не знала, о чём говорит. Там всё вышло не “немного” не так, а “совсем” не так. Люди охотились на людей. Мы были этими людьми. Мы были жертвами и мы же были охотниками. Как это понимать? Как с этим жить? Как это... Где мы вообще сейчас?!

Моё периферическое зрение вдруг показало мне нечто красное, возникшее между лицами Нэцкэ и Абракадабры. Я хорошо рассмотрела, потому что влаги в глазах не было, какие бы мученические гримасы от боли в грудной клетке ни строило моё лицо.

Этого не могло быть... Того, что показало мне перифери-

ческого зрение. Как только я пришла к этому выводу, я поняла, что всё ещё нахожусь погруженной в наркотический сон. Здесь нет парня с цифрами вместо имени, нет четверых выживших и меня нет... И её призрака, возникшего фоном между Нэцкэ и Абракадаброй, тоже нет. Всё бред.

Глава 2.

День 1. Джекки.

Так много воспоминаний, что невозможно ухватиться ни за одно из них, чтобы удержаться на поверхности сознания, попавшего в шторм. Таких воспоминаний у меня как будто бы не было никогда, но внезапно они всплыли, и мне было совершенно ясно, что эти картины никакие не иллюзии, а именно воспоминания из моей прошлой жизни: давно забытой и как будто бы никогда не существовавшей. Я вспомнила себя ребёнком. Совсем младенцем. Я ещё не умела ходить и говорить, только видела, слышала, пробовала на вкус и на ощупь. Я совсем недавно познакомилась со своими родителями... Они очень сильно любили меня... Отец засыпал прямо на полу у моей колыбели, а когда я будила его своим плачем, он улыбался мне и брал меня на руки, и баюкал... Длинные каштановые волосы матери, украшенные несколькими розовыми прядями, постоянно влекли меня, я дёргала их, ей было больно, но она улыбалась... Она обстригла пряди при мне: я лежала в переносной коляске, она стриглась самостоятельно, глядя в зеркало... Мне подарили огромно-

го лилового слона, мне очень нравился его необычный цвет, но его большой хобот пугал меня, особенно ночью... С плюшевым медведем серого цвета стало спокойнее засыпать, но потом он куда-то пропал, а я не заметила... Дедушка учил меня кормить голубей в парке и не заметил, как я вывалилась из коляски – после мы вместе плакали... Его слёзы меня волновали и они же успокоили меня... Бабушка запретила родителям давать мне джем, но при этом протянула мне вкусную ягоду, поэтому я не расстроилась – это была клубника... У меня прорезались первые молочные зубы, мне было так больно, что я плакала три ночи напролёт, а потом вдруг почувствовала, как по двум резцам стукнула чайная ложка... Это было необычно... Я начала кусать все ложки и вообще всё, что попадалось мне на зубы... Меня отлучили от груди. Яблочное пюре было кислым... Я начала ходить. Сначала часто падала, потом часто врезалась и билась, но редко плакала из-за этого – слишком сильно хотелось стремиться вперед, дальше... Колыбель заменили кроваткой, и рядом с ней появился новый неизвестный атрибут – горшок. Приучала меня к нему мама. Папа морщился при виде моих памперсов, но всё равно умывал меня перед сном именно он... Родители занимались любовью в соседней комнате, я слышала скрип их кровати и голос матери... Приезжали тётя с дядей, оба очень сильно любили держать меня на руках, говорили, что у них скоро тоже будут дети, мои кузены... Первый снег, первое Рождество и первый Новый год, и

первый день рождения... Мне подарили пластмассовые игрушки и пёстрый носок с конфетами, который потом куда-то пропал – от сладкого у меня покраснели и зачесались щёки. Первый и последний диатез... Неудобные банты на моих густых каштановых волосах... Болезненная обработка царапин на коленях... Аромат маминых духов... Щетина отца... Щенок. Люстра. Вазы. Платье. Лимон. Крапива. Гроза. Путешествие. Тюлень. Вентилятор. Солёная кукуруза. Кинотеатр. Бег наперегонки. Вафли с сиропом. Карусель. Порванные бусы. Ролики. Шлем. Скользкие водоросли. Дельфины. Ракушки. Плесневый сыр. Книги. Воздушные шары. Компьютер. Серпантин. Хлопушки. Фейерверк. Бенгальские огоньки. Подготовка к школе. Рюкзак и карандаши. Папины руки. Мамин живот. Лив. Коляска. Обои. Ночной плач. Объятия. Пустышки. Дружба. Прогулки. Куклы. Новая школа. Карусели. Детский сад. Блёстки. Рисунки. Мечтания по ночам. Страшилки. Батуты. Бассейн. Кристаллы. Звёздное небо. Волны. Заповедник. Бабочки и сачки. Ссоры родителей. Доди. Расставание. Кей. Атака-Атака-Атака!..

Я так резко распахнула глаза, что почувствовала, как мои зрачки сначала до максимума расширяются, а потом мгновенно сужаются до размера булавочной шляпки. Комната мрачная – стены будто позеленевшие от окисления – мои руки и ноги тщательно пристегнуты стальными ремнями к твердой и холодной кушетке... На мне только нижнее белье и... Ни одного шрама! Их было... Было несколько. На

предплечье – порез от столкновения с траппером, на бедре – от столкновения со скалой, на груди – после криокапсулы и ещё... После... После того, как Яр пронзил меня рапирой, должно было остаться или... Или не должно, потому что я не... Выжила.

Ужас накрыл меня с головой. Частота сердцебиения достигла своего предела. Я слышала каждый удар своего сердца и даже само течение крови в моих венах!.. Скорее всего, именно из-за этого я в итоге и потеряла сознание повторно.

Долгие часы мучительного бреда, похожего на настоящую агонию. Явь мешалась с иллюзией – я не могла отличить одно от другого. Моя татуировка будто бы переливалась стальным цветом и оживала, и перерисовывалась, и заново запечатлялась на моей коже, и что-то нашептывала мне... Кости болели так сильно и так отчётливо, словно срачивали приобретенные ими в течение всей их жизни трещинки, все недочёты и все изъяны... Позвонки хрустели при выравнивании... На “окислившейся” стене висел календарь за 2110-ый год. Значит, всё в порядке, значит, я в том же году, в котором выпала из реальности, значит, я не в криосне... Нет, не всё в порядке... Слишком много силы, слишком много эмоций, слишком много цветов, запахов, звуков даже в этой глуша-

щей тишине...

Теперь я в одежде... Но когда меня успели одеть?!...

Где я?!... Где... Тринидад!!! Она в Конкуре!!! Без меня ей будет сложно выжить в одиночку!.. Её нужно вытащить! С ней что-то не так! Я никак не могу вспомнить, что именно, но с ней что-то произошло! Где она?! Куда я попала?! Куда её дели?!..

Сжатие кулаков приводит к треску удерживающих меня, стальных ремней. В сердце появляется дискомфорт – оно как будто отяжелело... Треск усиливается, ремни один за другим отлетают от меня и громко рикошетят о стены... Я уже стою на ногах... Чувствую себя налившимся мощью буйволом... Бегу к двери и вместо того, чтобы открыть её, выбиваю её всем своим телом... Хотя она казалась крепкой, казалась вылитой из стали... Страшный звон от выбитой двери оглушает пустые, плохо освещенные коридоры, но даже плохое освещение кажется мне слишком ярким... Я бегу по коридорам, выбиваю все попадающиеся на моём пути двери – одну-вторую-пятую-двадцатую-тридцать третью – везде пустота. Замечаю красный огонёк у очередного поворота, останавливаюсь и понимаю – у меня над головой висит видеочамера. Работающая, каких я не видела со времен Первой Атаки... Сначала я кричу в неё один-единственный вопрос: “Кто вы?!”, – а затем, в высоком прыжке, срываю камеру и разбиваю её о стену с такой силой, что летят искры... В этот момент появляются первые люди – выбегают из-за двери по-

зади меня. Трое крупных мужчин в чёрной боевой форме бросаются прямо на меня. Наверняка только выброс адреналина позволяет мне уверенно уложить на пол каждого, но затем происходит странное. В коридоре, словно из ниоткуда, вдруг возникает высокий, крупный парень. Я даже не успела толком рассмотреть его – атлетичный брюнет с большими глазами непонятного цвета (зелено-синими с серебристыми вкраплениями?), – он впечатал меня в стену буквально одним щелчком... Я действительно почувствовала, как пробиваю кирпичную кладку своим телом, кожей и скелетом. Но боли я почти не ощутила (скорее всего, всё ещё действовали анальгетики или наркотики, которыми меня накачали) и вышла из строя я не из-за этого – из-за того, что вдохнула аэрозоль, который парень распылил прямо мне в лицо.

Следующее открытие глаз: я снова в той же комнате, снова на той же кушетке, но уже не пристегнута вырванными с корнями – вырванными ли или просто никогда не существовавшими? – стальными ремнями. Парня рядом больше нет. Всё было наркотическим бредом. И я начинаю постепенно осознавать это.

В комнату заходит женщина в медицинском халате, с головой ушедшая в чтение бумаг в своих руках. Подняться и свернуть ей шею? Заставить отвечать на мои вопросы? Дождаться, пока она сама заговорит? Это... Очередной бред?

Глава 3.

День 2.

Мы обе были живы. И обе слабо верили в это.

Я видела выражение лица Дикой до того, как она увидела меня живой – она страдала. А ведь говорила, что мы даже не друзья. Ну и кто она после этого? Обманщица? Только если обманщица самой себя. А мне она, получается, всё же подруга. И тем не менее, мы даже не обнялись. Просто пожали руки так, как будто делали это в первый или в последний раз, как будто здоровались или прощались с призраками друг друга.

Люди в белой форме и с цифрами вместо имён провели нас из коридора в большую гостиную, в реальность которой сложно было поверить наверное потому, что я не видела настоящей роскоши больше целого десятилетия и уже позабыла, что это такое: махровые белоснежные ковры на отполированном паркете из лиственницы, массивная хрустальная люстра над столом, резной стол заставленный блестящей по-

судой, переполненной неестественно изысканными для Павшего Мира блюдами. Подобного я не видела даже в Подгорном городе. В условиях общемировой катастрофы это выглядело... Ненормально. Как не в такт антиутопической партии играющая утению скрипка.

Сопровождающие нас люди с именами-цифрами сообщили нам о том, что стол накрыт для нас. Дважды приглашать к столу нашу группу оголодавших аборигенов не пришлось.

Стол был рассчитан на двенадцать персон. Абракадабра, Вывод, Нэцкэ и Сладкий сразу же уселись с его левой части, а мы с Дикой машинально прошествовали к противоположному краю стола и там же разместились. Кажется, мы обе поняли, что отделились от компании, хотя могли сделать и другой выбор, только после того, как заняли свои места – Дикая в центре, я слева от нее – и после того, как словили на себе мимолетные взгляды остальных. Но пересаживаться мы даже не подумали. После того, как в Конкуре на нас была устроена охота, в то время как мы вдвоём ни на кого не нападали и не собирались нападать, желание как минимум держаться подальше от остальных казалось нормальным не только мне, но и наверняка Дикой. Абракадабра едва не проломила череп Дикой, в попытке ограбить нас на оружие, а может и в реальной попытке убить нас, которую позже её союзник почти успешно применил по отношению ко мне. Сладкий был одним из тех, кто отчётливее прочих выступал в Конкуре против Дикой. А Вывод с Нэцкэ... Вывод с Нэцкэ, вроде как,

были нормальными, насколько нормальность ещё могла выдерживать позиции в этом безумии. Однако осадок всё равно остался, как наверняка и у всех их по отношению ко мне с Дикой, как к потенциально самым опасным оппонентам. Бума, Парагриппа, Эффекта, Дефакто, Змеееда и Яра больше нет. Могло не быть и меня. Могло не быть любого из нас. С этим знанием нам придётся продолжать жить или выживать – в зависимости от того, что с нами захотят сделать дальше и как мыотреагируем на дальнейшее...

– Не отравлено? – полушепотом поинтересовалась я, наблюдая за тем, как Дикая накалывает на вилку кусок пирога.

– Да ну...

– “Да ну” значит “да пофиг”?

Она одарила меня красноречивым взглядом, выдавшим моё попадание в яблочко.

– Ты поэтому не ешь? – под шумное, поспешное чавканье, раздающееся с противоположного конца стола, поинтересовалась она, после чего отправила первый кусок пирога в рот.

– Аппетита нет, – я бездумно уставилась на стейк, лежащий на моей тарелке.

– С тобой всё в порядке?

– Не уверена... Чувствую себя странно.

В ответ на это она хмыкнула, а затем поинтересовалась:

– Почти убитой?

– Скорее заново родившейся.

Дикая вдруг отложила свою вилку и врезалась в меня цеп-

КИМ ВЗГЛЯДОМ:

– Я видела, как Яр пронзил твою грудную клетку.

– Мне сказали, что я выжила только благодаря удаче: он не задел сердца и не проткнул лёгкие, так что меня смогли залатать.

– Из того, что видела я, у тебя не было шансов, – ещё отчётливее прищурилась моя собеседница, явно не собираясь сдаваться. – Ты забыла? Перед тем, как Яр проткнул тебя рапирой, ты была укушена Блуждающим. Насколько мне известно, лекарства от Стали всё ещё не существует.

– То есть если меня спасли от колотой раны, я всё равно должна была бы загнуться от Стали? А варианта, при котором я просто-напросто выживаю без последствий, у тебя для меня не найдётся? – я почти прорычала эти слова. Дикая сразу же округлила глаза в неприкрытом удивлении, Вывод бросил на меня мимолётный взгляд с противоположного конца стола, я замерла... – Прости. Я не знаю, что со мной происходит... Все эмоции зашкаливают, как качели или как... Заостренная рапира. Может застрял кусок в груди? – я почти безумно ухмыльнулась. Шутка была неудачной, но мне понравилась, в то время как Дикая явно не знала, как понимать мою расшатанность. Ещё не хватало, чтобы она сочла меня спятившей... Нужно собраться. Попробовать говорить ровным тоном, на какую-нибудь серьёзную тему, без сильных вдохов и выдохов, без скакания с улыбки на злобу... – Со мной что-то сделали. Что именно – не знаю. Но что-то

не так...

– У тебя на шее прежде был шрам от электрошокера. Он исчез, – внезапно оборвала меня Дикая, кажется притворившись, будто не обращает внимание на моё необычное поведение.

Я резко схватила половник, лежащий перед чашей с супом, и поспешно впиалась взглядом в своё отражение... На шее и вправду не было шрама! Он как будто... Просто исчез. Я нервно сглотнула:

– Нас ведь всех здорово подлатали.

– Не настолько здорово, – слово “настолько” она произнесла с явным ударением. – Свежие раны залатали, но старые шрамы оставили на месте, – при этих словах она вдруг на несколько сантиметров приподняла свою футболку, и я увидела на её торсе уже знакомые мне белые полосы от старых ранений. Она резко опустила футболку. – Так что тебя, очевидно, подвергли более продвинутому апгрейду.

Я отложила половник. Вернее, думала, что откладываю, но он вдруг с грохотом отлетел от моей части стола и врезался в пиалу, едва не опрокинув её. Со стороны это выглядело как мощный бросок, но ведь я не собиралась бросать – я определённо точно собиралась положить... Теперь на меня смотрели все: выходцы из Конкура, люди-цифры, в ровную шеренгу стоящие в противоположном конце комнаты, но, главное, Дикая смотрела на меня откровенно непонимающим взглядом.

– Да что с тобой такое? – наконец поинтересовалась она, пока я упиралась подбородком в руку, а локтём и взглядом в стол.

– Говорю же, штормит... Эмоции... – Прощедив ответ сквозь сжатые зубы, я убрала руки со стола, зажмурилась и потерла пальцами глаза. – Ещё этот слишком яркий свет... – Продолжительный выдох... Перевожу болящий взгляд на собеседницу. – Всё в порядке. Забей. Просто психологическое перенапряжение. Я выжила несмотря ни на что... Это сложно.

– Ты Неуязвимая, так что должно быть просто.

Я ухмыльнулась. Это и вправду прозвучало неплохо. Неожиданно стало как будто бы легчать... Надо же, всего лишь из-за пары слов... Точно качели: вверх-вниз-вверх-вниз... Кажется сейчас я где-то на середине.

Дикая выпила из своего кубка нечто бордовое, похожее на вино. Я решила пригубить свой кубок и поняла, что это и вправду вино. Дикая приступила к стейку, и я решила последовать её примеру, хотя аппетит у меня действительно отсутствовал напрочь. Стоило куску мяса соприкоснуться с моим языком, как я замерла от неожиданности. Ощущения были такими, будто я вкусовую бомбу только что забросила себе в рот.

– Ты чего? – снова с подозрением покосилась на меня Дикая.

– Нереально вкусно.

– Брось, обычное мясо...

– Специи шикарные.

– Соль и перец?

– Нет, здесь ещё есть лимон и ещё... Что-то... – я сдвинула брови.

– А соли и вправду не хватало в Конкуре, – с этими словами Дикая поводила солонкой над своим стейком. – В Паддоке такой проблемы не было. – Она вдруг бросила взгляд на шеренгу из шести человек-цифр, стоящих в отдалении от нас и смотрящих на свои руки, скрещенные внизу. В белых платьях, из-под которых проглядывались штаны, с синими воротничками и с постоянно сцепленными внизу руками, они походили на статуи. – Кто они? – переведя взгляд на меня, Дикая заговорила более приглушенным тоном. – Ты успела выяснить?

– Пока ты была в отключке? – ухмыльнувшись, повела бровью я. – Ты, кстати, позже всех очнулась.

– Может быть потому, что для того, чтобы вырубить меня, им пришлось использовать более крепкий транквилизатор, чем тот, которого хватило на тебя?

– Самоуверенная, наглая мелочь.

– Сама такая, – она игриво прищурилась, и мы одновременно растянулись в улыбках. Пффф... Как хорошо, что она жива. Что я жива... Что со мной? Снова резкий перепад эмоций...

– Давай рассказывай, что выяснила, пока была за глав-

ную, – с этими словами Дикая перешла к отварному картофелю и салату из моркови. Я ухмыльнулась замечанию про “главную”.

– Это слуги.

– Слуги? В смысле как работники? Или в смысле как рабы?

– Этого я не знаю. Знаю только, что они приставлены к нам.

– Что это значит?

– Тоже не знаю. Знаю только, что у каждого из нас есть по одному прислужнику.

– Для того, чтобы следить за нами?

– Скорее всего именно за этим. Хотя они утверждают, будто приставлены выполнять наши пожелания вроде подачи стакана воды или открытия форточек.

– Что за цифры вместо имён?

– Символ ♂ обозначает мужской пол, символ ♀, соответственно, женский. Дальше интереснее: первая цифра – возраст человека, вторая цифра – количество живущих в этом городе человек, рожденных в той же половой принадлежности и в тот же год, то есть количество их ровесников.

– Стоп... – Дикая неожиданно замерла. – Мы в каком-то городе?

– Думаю, что да. Исходя из цифр на бейджах этих людей получается, что здесь, где бы это “здесь” ни находилось и чем бы ни являлось, достаточно большое население. Смот-

ри, к тебе приставлен ♂20-1107 – парню двадцать лет, помимо него в городе ещё находится тысяча сто семь парней его возраста. Дальше: ко мне приставлена ♀38-1732, к Выводу ♀19-938, к Абракадабре ♂10-110, к Нэцкэ ♂22-1405, к Сладкому ♀60-504.

– Открытые демографические показатели, – задумчиво хмыкнула Дикая, запивая оладью вином.

– В условиях вымирания человечества, это не самая странная странность из всех, что мне доводилось видеть, – прищурилась я.

– И не самая странная из тех, которые вам всем ещё доведется увидеть, – с этими словами в комнату вошел неизвестный нам мужчина лет тридцати, высокий, смуглый и с необычной укладкой густых черных волос. Осмотрев всех нас по часовой стрелке, он остановил свой взгляд на мне. – Готовы получить ответы на половину всех интересующих вас вопросов?

Глава 4.

Нас перевели в соседнюю комнату, похожую на просторный зал с большими диванами, удобными креслами и мягкими коврами. Мы как будто находились в презентабельной квартире с высокими потолками и панорамными окнами, в которые мне ещё ни разу не довелось выглянуть. Все расположились на диване напротив незнакомца, занявшего центральное кресло, и на почтительном расстоянии друг от друга – только я с Дикой сидели рядом.

Мужчина молчал, и мы все тоже молчали. Затянувшееся молчание первой решила оборвать я:

– Можете начать с объяснений того, где мы находимся и что с нами делают, – откровенно холодным тоном предложила я.

– Пожалуй, я всё же предпочту начать с представления. Меня зовут Фло и я ваш проводник.

– Сколько тебе лет, Фло? – неожиданно задала наименее интересный вопрос Нэцкэ, но отнюдь не самый странный. Для жителей Паддока, не помнящих свои реальные имена, но помнящих свой реальный возраст, подобная информация имела не меньшее значение, чем личное имя нового знакомого.

– Мне двадцать два.

Этому ответу я удивилась наравне с остальными.

– Выглядите не моложе тридцати, – нетактично заметила Нэцкэ.

– Видимо бывшие обитатели Паддока склонны к преждевременному старению.

Подобного ответа не ожидал никто. Судя по выражению глаз нашего собеседника, его устроили выражения наших лиц.

– Итак, я ваш проводник – тот человек, который будет знакомить вас с Парадизаром. – Парадизар? В воспоминаниях что-то всколыхнулась, но я всё же не успела вспомнить. – Очевидно, всю ненависть, которую вы будете испытывать по отношению к Парадизару и его обитателям, в первую очередь вы попытаетесь выместить на мне, потому как я – первое лицо, которое будет общаться с вами напрямую.

– А как же слуги? – подал голос Сладкий.

– Они лишь выполняют приказы, прислуживают вам. Общение с вами не входит в их обязанности. – При этих словах я вдруг почувствовала себя птицей в стеклянной клетке, а Фло почувствовался мне человеком, которому дозволено ходить по клетке с целью прислушиваться к тональностям наших голосов, чтобы выявлять неполадки, но не более того. Он вдруг посмотрел на меня. Странно, но в его глазах я не увидела врага. – Возвращаясь к твоему вопросу, Джекки, – так, он назвал моё имя, хотя я ему не представлялась – это должны были заметить все. – Вы сейчас находитесь на территории бывшей Германии, вблизи Балтийского моря, в надзем-

ном городе Парадизар. – Точно! Я вспомнила, где и при каких обстоятельствах прежде слышала о Парадизаре! Это было ещё до Первой Атаки, в прошлой, беззаботной жизни... – Город над землёй начал строиться в 2080-ом году. Строительство должно было завершиться в 2100-ом году, но, из-за поразившей континент Стали, остановилось в 2094-ом году. На данный момент в городе проживает около пятидесяти тысяч человек, из которых десять тысяч – правящая элита, пятнадцать тысяч – средний класс, и двадцать пять тысяч – обслуживающий персонал. Паддок и Конкур – это двойное название одного шоу, суть которого заключается в выживании людей, не подозревающих о своём участии в программе.

– В смысле, шоу?... – Абракадабра вдруг осипла.

– Всё проще, чем может казаться на первый взгляд. Остатки человечества психологически подавлены. Настолько, что настоящее время называют началом эры Великой Депрессии. Для того, чтобы уберечь выживших от погружения в депрессию и апатию, и от отвлечения от этих психологических недугов посредством алкогольных, и наркотических средств, правящая власть решила дать жителям Парадизара не только хлеба, но и зрелищ. Они разработали и устроили реалити-шоу на своей “ферме”: Паддок и Конкур – та территория, которую они смогли покрыть силовым полем без урона для местной энергетики...

– У Парадизара должно быть всё отлично с энергетикой и крайне отвратительно с гуманностью, – процедила Дикая.

– Всё именно так, – скрестил руки на груди “проводник”.

– Ты сказал, мы не первые, – в ответ прищурилась Тринидад, скрестив руки похожим образом.

– Вы – выжившие второго сезона.

– Класс! – Вывод, не выдержав нервного напряжения, вскинул руки над своей головой и завалился на спинку дивана. – Это действительно шоу. Второй сезон – серьёзно!

– Первый сезон был тяжелее. Вас было всего пятьдесят, прежде чем вы нашли проход из Паддока в Конкур. В первом сезоне участвовало семьдесят человек. – Я неосознанно закусила нижнюю губу. Семьдесят человек равняются семидесяти неделям. – Знаете сколько из этих семи десятков несчастных выбралось оттуда живыми? Всего двое: тридцатый и пятьдесят пятый номера. – Мы закончили свой сезон шоу быстрее и лучшим составом, и... Это звучало ужасно. Это являлось ужасным... – Выжившие стали звёздной парой, любимцами местной публики, сказочными принцем и принцессой, вырвавшимися из среднего класса и класса прислуги в верхушку элиты. Впрочем, всё не настолько сказочно. Два месяца назад финалистка первого сезона не справилась с психологическими травмами, полученными в Паддоке и Конкуре. Ей диагностировали расстройство личности, и вскоре она спрыгнула с крыши... Если не хотите закончить подобным образом – следуйте моим инструкциям.

– Больше звучит как угроза, нежели забота, – зорко заметила Дикая.

– Не стоит быть такой проникательной вслух, – в ответ прищурился Фло, тем самым подтвердив правдивость утверждения Дикой.

– И что дальше? – сначала как будто взявшись за голову, пригладил свои густые и светлые волосы Сладкий.

– В отличие от первого сезона с двумя финалистами, во втором выжило целых шесть человек. Публика Парадизара неистовствует от восторга. Благодаря вашему звездному сиянию впервые на роль участников шоу “Паддок & Конкур”, более известному как “П&К”, появились добровольцы. До сих пор туда ссылали только провинившихся жителей...

– Стоп, – Дикая резко взмахнула рукой. – Я не помню себя жительницей этого ведра с помоями,

– Я вообще ничего не помню...

– Тоже не помню нихрена...

– Мы раньше жили в Парадизаре?..

– Жили здесь и в чём-то провинились – за это нас сослали в Паддок?

Общий гул прервал Фло, не давший мне шанса успеть высказаться о том, что я вообще с другого материка и о Парадизаре слышала лишь пару раз, и то в мире до Первой Атаки.

– Всё, что касается вашей памяти – не моя компетенция, – при этих словах он вдруг нажал на круглую кнопку в виде брелка, которую всё это время удерживал в своей руке, и в следующую секунду между ним и нами возникла полупрозрачная проекция. Проекция демонстрировала нам фанта-

стический постер, склеенный из наших фотографий: на первом плане я с Дикой, затем ещё четверо выживших, за ними шестеро погибших в Конкуре, а дальше, совсем мелким планом, все остальные участники “П&К”. От увиденного все сразу же впали в новую стадию шока: кто-то замер, кто-то заохал, я же поспешно бросилась искать глазами знакомые лица среди мелко изображенных людей, тех, которые жили в Паддоке до меня, но никого не узнавала и от этого испытывала облегчение.

– Получается, всё произошедшее с нами действительно было дурацким реалити-шоу, – никак не мог поверить Вывод. – Это реально шоу... Всего лишь... – Он вдруг неестественно ухмыльнулся. – Всего лишь шоу! Я-то думал, что за всем этим кошмаром может стоять какая-то непонятная цель, которую невозможно достигнуть не изуверским способом, а здесь...

– Что ты думал? – подала голос Абракадабра и неожиданно рассмеялась. – Что они здесь вакцину от Стали ищут? А мы – подопытные крысы, необходимый для достижения великой цели расходный материал? Да они здесь просто развлекаются! Им просто депрессия в голову ударила, фейверков не осталось, захотелось крови и кишечков, – она замахнулась с целью врезать ладонью по своему лицу на голограмме, но голограмма лишь перенеслась на её руку, при этом не нарушив своей целостности.

Переждав период нашего первичного шока, Фло решил

продолжить:

– Каждый сезон шоу длится до тех пор, пока его участники не найдут выход из Паддока, а затем из Конкура. В первом случае вы делаете всё по наитию, во втором вам выдаётся чёткая инструкция. В обоих случаях вы проявляете себя с худших или лучших сторон. Именно ради этих проявлений всё и создалось, в этом... Идея.

Кажется я услышала, как хрустнули мои сжавшиеся в кулаки костяшки пальцев.

– Получается, у вас есть телевидение? – подала голос Дикая.

– Не у нас. У Парадизара, – проводник неожиданно однозначно отделил себя от общей массы жителей этого города, словно и вправду не причислял себя к местным обитателям и сам сейчас был лишь голограммой, физически пребывая где-нибудь в Африке, но не здесь. – Спутникового телевидения нет. Никаких прямых трансляций – только просмотр заранее отснятых и смонтированных записей.

– Неудобно, – саркастически заметила я.

– Действительно неудобно. Бывает, что некоторые записи теряются и не доходят до зрителя. В вашем сезоне таких записей было немало, с два десятка. Наверняка жители Парадизара упустили самые лакомые кусочки, – мне не показалось – уголки его губ вздернулись. Но я уверена, что это заметила только я – Дикая смотрела себе под ноги, остальные кто куда, а я прямо на говорящего, сквозь всё ещё сия-

ющую голограмму и... О... Это необычно... Я отлично его видела. Как никого и никогда... Могла рассмотреть каждую морщинку на его лице и микроскопическую родинку на лбу, и тончайшие волоски, и как будто даже поры...

Меня словно из транса выдернул басовитый голос Абра-кадабры:

– Получается, за нами наблюдали, как за зверушками или насекомыми, предумышленно помещенными в прозрачный ящик. Просто из бездумного, антигуманного любопытства, – она поморщилась, как будто вляпалась в грязь, – просто потому, что хотелось зрелища...

– Именно, – наш проводник даже не старался смягчить жестокую реальность. – Сейчас все в Парадизаре знают ваши имена, вернее, ваши прозвища, приобретенные в Паддоке, все мечтают встретиться с вами, увидеть вживую. Так что вас ждёт не только вкусная еда и тёплые постели.

– Как в контактном зоопарке, – пробубнил Вывод.

– Вы не были первыми и не станете последними.

На эти слова Дикая, всё это время сверлящая взглядом пол, резко вздернула голову. Нэцкэ почти взвизгнула:

– Не станем последними? Что это значит?

– В Паддок уже запустили новобранцев. Организаторы шоу немного подкорректировали правила, так что теперь в Паддок будут присылать по два человека в неделю, в один и тот же день, но да вы и без меня прекрасно знаете, как это делается.

– Уже забросили ещё двоих? – на сей раз Сладкий точно взялся за голову.

– Совсем скоро будут заброшены ещё двое. А потом ещё и ещё... Кстати, на забрасывание участников парами их вдохновили вы, – он вдруг бросил взгляд на меня с Дикой. – То, какой блестящий тандем вы составили с самого начала вашего знакомства, вызвало в обществе большую фанатичную волну, я бы даже сказал цунами. Вы обе – любимчики публики.

– Что же это всё значит? – никак не могла врубиться Нэцкэ.

– Это значит, что шоу должно продолжаться и продолжится. И вы все – всё ещё его важная часть. Уже завтра у вас будет встреча со своими фанатами в формате выхода на сцену для интервьюирования. Для этого мероприятия вас немного подготовят: приоденут, принакрасят, расскажут, как и что говорить, покажут, как улыбаться...

– Чего?! – на сей раз не выдержала я.

Глава 5.

– Говоришь, мы – важная часть смертельного шоу? – Дикая резко вскочила на ноги. – Попробуйте обойтись вот без этой части! – с этими словами она проломилла рукой своё изображение в проекции.

– Мне лучше сразу предупредить вас о том, – Фло как будто бы обращался ко всем сразу, но я видела, что он слегка косит взглядом в сторону Дикой, – что ваш отказ не принимается.

– И что твой Парадизар мне сделает?! – Дикая явно вошла в кураж, а это всерьёз способно угрожать опасностью... – Снова сошлёт меня в Паддок?! Или в Конкур?!

– Парадизар мне не мой. И угроза не ещё одна ссылка. Скорее, если ты откажешься принять участие, одного из твоих друзей могут казнить.

– Что ж, мне повезло, что у меня нет друзей.

– Джекки, – Фло повел бровью.

– Уже казнили – собственными глазами видела! Пережила один раз – смогу пережить и второй! Казните хоть её, хоть всех остальных вместе взятых, хоть меня саму – справлюсь, и не с таким справлялась. Валяйте... Эй, человек по имени двадцать тысяча сто семь, ты приставлен ко мне? Покажи мне, где именно располагается моя тёплая постель, несколькими минутами ранее упомянутая этим типом, – она мимо-

летно указала рукой в сторону Фло.

Прежде чем все успели врубиться, какую именно позицию заняла Дикая, её и след простыл. Приставленный к ней парнишка-слуга вылетел из комнаты следом за ней, а ещё спустя несколько секунд где-то в глубине коридора раздался резкий дверной хлопок.

...Вау... А я думала, что ярко выраженные эмоции сегодня моя фишка.

Дикая наотрез отказалась участвовать в чём бы то ни было, и сейчас ярко демонстрировала принятое ею решение своим затворничеством в собственном номере, продолжающимся уже пятый час. Я себе позволить такой роскоши не могла. Потому как Фло ясно дал понять, что в случае моего отказа, казнить могут Дикую. Мне, очевидно, было не так же плевать на такого рода угрозу, как Дикой на угрозу казни моей персоны в честь ломания её воли. Впрочем, подозреваю, ей на самом деле тоже было не плевать, но спать ей хотелось сильнее, потому она и заперлась... Да кто она такая?!

Первые два часа после ухода Дикой Фло показывал нам нарезку из кадров нашей жизни в Паддоке и Конкуре. Было странно видеть себя на экране в полный рост... Было странно видеть всё пережитое со стороны и ещё то, что кто-то пе-

реживал до меня. Я увидела, как Дикую забросили в Паддок. Увидела, как в первые недели ей было тяжело, как она потеряла первого-второго-тридцать восьмого обитателя Паддока. Как она спасалась и спасала. Ей ведь всего лишь восемнадцать! Она ведь почти ребёнок! Как они могли подвергнуть её подобному?! Как она не сломалась?! Бум и Эффект были ещё младше... И их убили. Те, кто придумал эту бойню забавы ради... Все участники на экране были словно живыми, но почти все они теперь были мертвы. Ради прихоти. Ради шоу... Две мясорубки... Как я сумела выжить в этих острых лопастях?..

Кроме всего прочего я увидела на экране нечто действительно важное. То, благодаря чему я смогла добраться до финиша. Дикую. Не впритык к себе, а со стороны. Я увидела, как она рыдает надо мной под закадровый комментарий ведущего, посвященный тому, что вместо шести возможных участников, по-видимому, выжило пять, так как мой пульс, вроде как, перестал звучать – как я в итоге выжила?! Они ведь даже хруст моей ключицы озвучили, как и хруст вошедшей в шею Яра стрелы...

Сидящая рядом со мной на диване Абракадабра вдруг пригнулась ко мне и прошептала так тихо, что, кажется, её слова, минуя мои уши, сразу попали мне в голову:

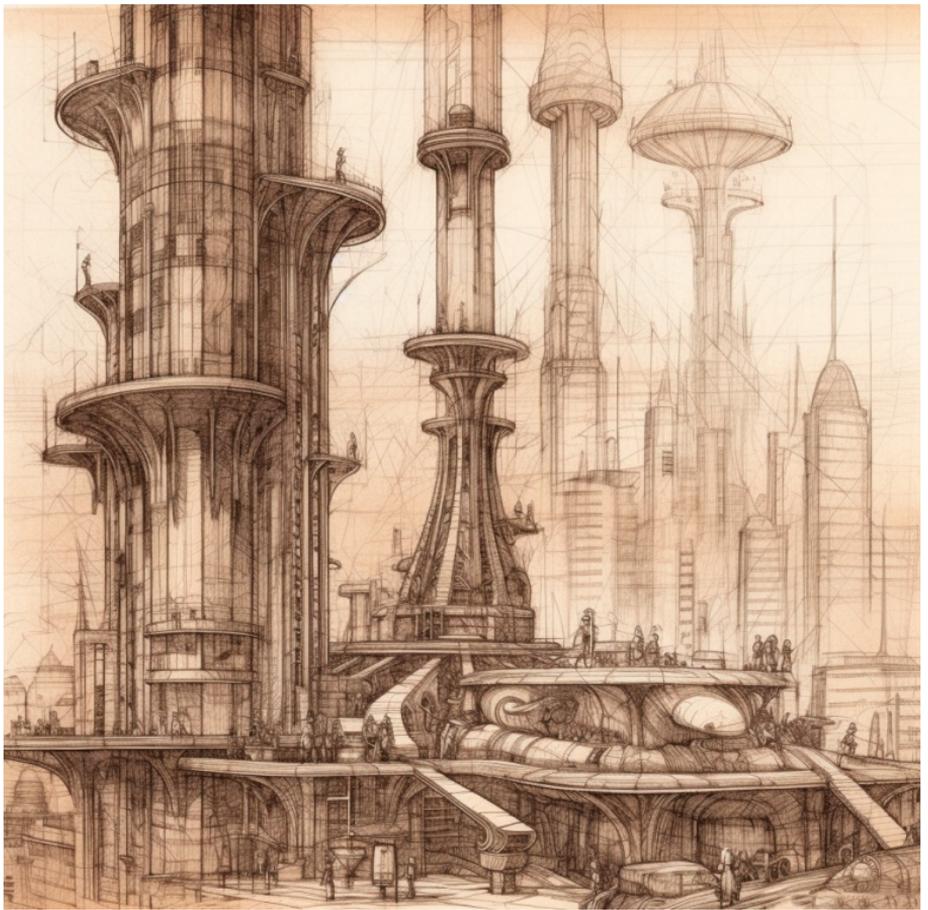
– Я была там вместе с Яром. Не участвовала в этой резне, но видела, что произошло... Я видела, как Тринидад рыдала над тобой. Это было невыносимо даже для меня... – При

этих словах рассказчица гулко сглотнула. – Она действительно думала, что с тобой всё кончено...

Дикая так и не вышла из своей комнаты. Даже лично получив ноту, содержащую угрозу моей казни в случае её неповиновения. Наверняка она что-то задумала...

Я решила даже не пытаться трогать её. Чтобы случайно не помешать.

Когда Фло ушел, за окнами уже стемнело. В наших апартаментах включился свет. Электричество сразу же вызвало ассоциацию с древней магией. Впервые подойдя к панорамному окну, в сумерках я разглядела город, возвышающийся над землёй при помощи железобетонных свай.

****Парадизар.*

Высота над землёй была внушительной, минимум в сто

метров. На мосту, по которому двигались маленькие и тёмные человеческие силуэты, я вдруг рассмотрела четыре больших полотна, развивающихся на ветру: два флага и два герба. Одна символика изображала голубые небеса, на котором парило одно-единственное серое облако – Парадизар. Вторая символика принадлежала Дилениуму – континенту, образовавшемуся непосредственно перед Первой Атакой в Северной Америке и Сталью в Евразии. Герб Дилениума изображал чёрный огонь на бордовом фоне, на дымчатом фоне флага красовалась половина солнца, должна обозначать рассвет, но более подходящая на закат. Я нахмурилась. Что здесь делает символика Дилениума? Слова Фло о том, что мы находимся на бывшей территории Германии у берегов Балтийского моря подтверждались водной гладью, уходящей в горизонт, которую я могла рассмотреть сразу за пиками высоких зданий. Дилениум же, насколько я помнила из школьных уроков географии, располагался в противоположной стороне. В две тысячи восемьдесят девятом году в Евразии произошел крупнейший из известных человечеству тектонический разлом, прошедший по территории Италии, Австрии, Словакии, Польши и Украины, с обратной стороны отделившийся получившийся кусок пирога территорией Турции – здесь разлом пришелся всего в десяти километрах от Стамбула, после чего Чёрное и Мраморное моря слились в одно, вскоре названное морем Разрыва. Карта мира перекроилась не за одну ночь, естественно, но всё равно за доста-

точно быстрый промежуток времени. За два года активного движения плит образовались не только одно новое море – море Разрыва, – и один новый, ныне самый длинный на планете Земля пролив – пролив Памяти, теперь соединяющий Адриатическое с бывшим Чёрным морем, – но и новый, самый маленький из всех континент, который не менее красноречиво и поспешно наименовали Дилениумом – от слова “отделённый” или “разделённый”. Итак, где находится германское побережье Балтийского моря и где лежит Дилениум? Два разных направления, разделяемые тысячами миль. И тем не менее, флаг и герб Дилениума развиваются на ветру рядом с флагом и гербом Парадизара. Что это может значить?..

**Герб Дилениума.*

Пока я размышляла над этим, наблюдая за стущающимися сумерками над Балтийским морем и будто подвешенными в воздухе городскими строениями, я не заметила, как все

мои знакомые и приставленные к ним незнакомцы ретировались из гостиной. Обернувшись же только спустя десять минут, я наконец заметила, что в комнате остались только я и приставленная ко мне ♀38-1732. Каштанововолосая женщина со стрижкой “боб” и голубыми глазами, обрамленными мимическими морщинками, выглядела умиротворённо и источала добрую энергетику.

– Все уже разошлись по своим покоям, – заметив мой блуждающий взгляд, неожиданно первой заговорила она, хотя до сих пор я слышала её голос лишь раз, в момент пробуждения на софе в коридоре. – Ужин уже подан в Ваши покои. Вам показать путь к ним?

– Да, пожалуйста.

Я не испытывала голода ни днём, ни сейчас. Мне как будто бы не просто не хотелось есть... Я словно не нуждалась в пище. Как и в отдыхе. Мне не хотелось спать или хотя бы полежать. Я чувствовала себя... Полной физической силы и энергии, как будто... Под завязку заполненная батарея. Нет, как будто переполняющаяся через края батарея...

В коридоре, по которому мы шли, обнаружили другие слуги. По ним можно было определить, за какой из дверей кто из моих знакомых находится – все слуги, словно воины, с ровными осанками стояли у дверей тех, к кому были приставлены. Я бросила мимолётный взгляд на парня, приставленного к Дикой – её дверь была последней в коридоре и соседствовала с моей. Удобно. Для чего-то. Наверное.

Сначала я подошла к её двери, но занеся руку, чтобы постучаться, вдруг остановилась и, развернувшись на пятках, вернулась к своей двери и зашла в неё. Очутившись в спальне, я проверила дверь – замок присутствовал. Значит, Дикая наверняка заперлась изнутри и наверняка перестраховалась каким-нибудь комодом... Бесполезно. Её не выкурить. Придётся дожидаться момента, когда она сама захочет выйти.

Закрывшись на замок, я огляделась. Комната была подсвечена тёплым светом, исходящим от ленточного светильника, протяженностью на всю стену, окрашенную в цвет тёмной корицы, впритык к которой стояла просторная кровать. Рядом с кроватью располагался комод, шкаф, стол, кресло и.. Была одна дверь. За ней скрывалась уборная: квадратная душевая кабина, зеркало, раковина, унитаз и даже биде, есть полотенца и мыло. Всё настолько чистое, как будто только вчера здесь был завершён капитальный ремонт.

...Я не спала всю ночь. Просто не могла сомкнуть глаз. То стояла у панорамного окна и сверлила взглядом плохо освещенный город, то лежала на кровати и сверлила взглядом потолок. В голову лезли дурные мысли, в душе ворочались неоднозначные предчувствия. Одно было ясно наверняка: отсюда необходимо бежать. Вопрос оставался только за тем, как это проверить. Мой план пока что был до абсурдного прост (может быть это было связано с моим неустой-

чивым эмоциональным состоянием): бежать напролом, пока не окажемся за пределами Парадизара, а дальше – Рудник, потом, как-нибудь, Северная Америка... Никакого плана. Только бездумное действие. И уверенность в том, что если я решу пойти напролом, меня уже ничто не сможет остановить. Да что со мной такое? Откуда вдруг такое титаническое ощущение физической силы и морального подъёма? Ведь ещё два дня назад меня почти убили... Я была почти мертва... Почти-почти-почти...

Интересно, какие идеи в эти непростые часы генерирует мозг Дикой?

**Ночной Парадизар.*

Глава 6.

День 3.

Мы возвращались с интервью, которое по факту оказалось то ли концертом, то ли показом мод, то ли цирком, то ли контактным зоопарком... Я была так зла, что поставила на мысленную перемотку весь этот ужасный день.

Всё началось с иллюзии, однозначно подтвердившей небеспочвенность моего опасения на тот счёт, что у меня постепенно начинает ехать крыша. Не в силах заснуть, я решила принять душ. Уже выйдя из душевой кабинки я бросила мимолётный взгляд в зеркало и настолько испугалась увиденного, что взвизгнула, подпрыгнула на месте, развернулась, выронила полотенце, которым была обмотана, и в результате чуть не поскользнулась – от падения меня спасла ручка душевой, в результате с хрустом оторвавшаяся и оставшаяся в моей руке. Стоило мне поднять шум, как в дверь моего номера сразу же начала стучать прислуга. Я с диким испугом вновь бросила взгляд в зеркало, но во второй раз уже не увидела ничего странного. Я даже не поняла, что именно видела в первый раз. Себя или кого-то? Как будто бы себя, только другую. Моё тело было словно отлито из стали и блестело, как у неведомого существа – ни еди-

ного телесного просвета на коже. Но теперь я видела лишь своё реальное отражение, свой привычный цвет кожи, может быть чрезмерно яркий румянец на щеках, но ничего более... Прислуга продолжала колотить дверь... Приблизившись к зеркалу и получше присмотревшись к своему отражению, я внезапно заметила неполадки с глазами. Их цвет изменился – добавились серебристые прожилки. Сердце ёкнуло. Зашкаливающие эмоции, физическая переполненность, неспособность полностью контролировать движения и чувства... Это... Сталь?..

Так выглядит Сталь?..

В Конкуре меня укусил Блуждающий. Меня не излечили. Ведь вакцины... Её не существует!

Я заражена!

Определённо точно заражена... Я это чувствую... Чувствую, что у меня едет крыша: я слышу слишком много звуков – голос служанки, звучащий за дверью, будто раздаётся у самого моего уха. Капли воды не просто падают на поддон душевой – они врезаются, разбиваются на микроскопические капельки, и я слышу даже то, как эти капельки разрываются... Словно фейерверки... Пролетающая пылинка в дальнем углу комнаты слишком отчётливая... Мне не хочется есть и спать... С моим обонянием и моими рецепторами что-то произошло – я чувствую, как пахнут мои собственные волосы, а виноград из фруктовой тарелки такой сочный, что сводит язык... Это и есть... Обращение?

Если так, тогда сколько мне осталось? Может быть лучше сразу покончить с этим всем? С собой...

Я не стану Блуждающей! Не стану! Как говорил Фло? Что сделала его подруга, выбравшаяся из Конкура вместе с ним?.. Спятила, а затем... Сбросилась с крыши? Может быть, это лучший вариант? Всё лучше, чем обратиться в Блуждающего...

...На протяжении дня я пыталась сосредоточиться, но моё беспокойство из-за осознания своей зараженности с каждым часом делало меня всё более взвинченной. Когда мои отросшие тёмные корни волос окрашивали в бардовый цвет, а на лицо наносили густой макияж, я сжимала зубы и почти не дышала, чтобы не ощущать слишком острые и даже едкие запахи, а потом мне показалось, будто я способна затаить дыхание больше, чем на одну минуту... Я не дышала больше восьми минут! Ровно четыреста восемьдесят семь секунд! И наверняка могла бы продержаться дольше, но вдруг чуть не расплакалась от страха перед тем, что могу не дышать, словно живой мертвец... ♀38-1732 принесла мне стакан воды. Меня резко отпустило. Но потом на меня напялили роскошно расшитое и украшенное блестящими камнями красное платье в пол, и мне по-настоящему захотелось сдохнуть.

Дикая так и не вышла из своего номера. Странно, но это нервировало меня даже больше, чем то, что я едва могла передвигать ногами из-за чрезмерно зауженной в бёдрах юбки. Сидя в гостиной и ожидая, когда нас всех поведут в неизвестном направлении, я с закрытыми глазами прислушивалась к происходящему вокруг и слышала ВСЁ так хорошо, словно мои перепонки принадлежали не мне, а какому-то сверхчувствительному дикому зверю. Вывод с Абракадаброй стояли совсем далеко, возле панорамного окна, и разговаривали на тему того, что из-за всего происходящего “нам всем необходимо держаться вместе”. Вывод был одет в блестящий чёрный смокинг, Абракадабра в похожее на моё платье, только зелёного цвета, причёску ей уложили высокую, сделав из нее подобие конуса, плетеного из красивых, толстых кос. Что-то подозрительное происходило между Сладким и Нэцкэ. Он как будто пытался угодить ей... Ухаживал что ли?.. Но не так, как пытался делать это в Паддоке – не пошло... Очень странно. Вывод заговорил со слугой Абракадабры ♂10-110. Мальчик рассказывал о том, что большинство людей в Парадизаре возрастом младше двадцати лет не умеют читать и писать. Разгоревшаяся шестнадцать лет назад Сталь породила времена упадка образованности...

Я резко открыла глаза и осмотрела комнату: Вывод, Абракадабра и ♂10-110 стояли в пятнадцати шагах от меня, Нэцкэ со Сладким вовсе забились в дальний угол. По логике вещей я физически не могла всех их слышать. Но я слышала.

И не только слова – даже их дыхание.

Очевидно, в Конкуре меня всё-таки убили.

Я старалась не думать о том, сколько мне остаётся до того момента, когда я окончательно слечу с катушек и обезумею от Стали, которая каждую секунду проникает всё глубже в мои вены. Старалась не думать о том, как нас всех – меня, Вывода, Абракадабру, Сладкого и Нэцкэ – в порыве страстей чуть не разорвала на лоскутки многотысячная, пёстрая толпа жителей Парадизара, кричащая что-то на неизвестном мне языке. Старалась не думать о лице ведущего шоу “П&К”, украшенном крупными стразами – как же сильно мне хотелось расцарапать его в кровь!.. Особенно когда этот гадёныш спросил у меня о том, как себя чувствует Дикая, и правда ли, что она не явилась пообщаться со своей армией фанатов потому, что у неё разболелась голова.

Всё происходящее было сумбуром. Калейдоскопом сумасшествия... Крики, вопли, улюлюканья, смех и возгласы, и страсти... Я онемела. Меня спасало только то, что ситуацию вытягивали Сладкий, Нэцкэ и Абракадабра – Вывод тоже онемел. Эти трое что-то говорили, что-то отвечали, хоть как-то улыбались... Нам вдруг показали кадры с двумя людьми, в этот момент пребывающими в Паддоке. Двое парней, сидя-

щие у разведенного костра, вслух размышляли о том, что может означать силовой барьер, который они обнаружили накануне... Костёр был разведён на фоне Мастерской – я узнала это строение, как его наверняка узнали и остальные... Меня затошнило... Нас вовремя увели... Нэцкэ вырвало за кулисами, прямо на обратную сторону бархатных штор... Меня резко перестало тошнить. Сладкий наступил на шлейф платья Абракадабры, она споткнулась и чуть не завалилась на ящики с бахромой. Её подхватил Вывод. Нас перехватили высокие мужчины в серых костюмах, куда-то повели... Бесконечно длинные, тёмные коридоры, лифт, звонок... Знакомые лица прислуг. Мы на “своём” этаже. Я не в своём теле, не в своей одежде, не в себе... Пульс зашкаливает...

– Где Дикая?!

♀38-1732:

– Она не выходила из своего номера...

В коридоре всё смылось в одно сплошное пятно... Не помню, как оказалась у двери её комнаты. Я очнулась уже врезаясь предплечьем в дверь – к предплечью пристегнут дурацкий подол нелепо длинного платья, чрезмерно шуршащего, узкого, красного, блестящего – всё чрезмерно!!!

Кажется, я выбила дверь!..

Сидя в кресле с запрокинутыми на стол и скрещенными ногами, Дикая держала в руках виноград. Даже в темноте я смогла отлично рассмотреть, как едва заметно поднимаются уголки её алых губ:

– Ну ты и расфуфыренная! – Что она сказала?! Злость мгновенно затмила мои разбросанные по подсознанию мысли... – Но тебе, как ни странно, всё это, – она повела пальцами, в которых удерживала крупную виноградину, – идёт.

Меня резко отпустило. Как будто цунами повернуло своё движение вспять...

Мой эмоциональный фон окончательно сошел с рельс... Как сказать об этом ей?! Как сказать об этом вслух?! О том, что я заражена Сталью... Как не закричать?! Что-мне-делать?!

Глава 7.

– Ты что, выломала дверь? – подойдя к дверному проему, Дикая поспешно осмотрела сломанный замок, после чего прикрыла дверь таким образом, чтобы нас не подслушивала прислуга, и, вернувшись в своё кресло, уперлась локтями в колени. – Как ты это сделала?

– Очевидно, замки здесь хреновые, – меня буквально распирало изнутри: отчаяние мешалось со злостью и жалостью – откуда только взялась последняя?

Дикая вдруг встала, взяла виноград, оторвала одну ягоду, бросила в рот, начала жевать... Она жевала с закрытым ртом, но я всё равно слышала, как громко хрустят мелкие косточки на её зубах... Как такое возможно?..

– Как всё прошло? – вдруг поинтересовалась она, бросив на меня не очень-то заинтересованный взгляд, да и в её тоне не читалось искреннее любопытство.

В комнате было достаточно темно, горела только настенная подсветка, и тем не менее я могла рассмотреть даже микроскопические поры на её лице, стоило только правильно сфокусировать взгляд... Это точно ненормально... А что если я прямо при ней слечу с катушек? Что если нападу на неё и покусая?.. Я неосознанно-нервно сглотнула. Моё сердцебиение участилось. Нет, кусать я её не хочу. Значит пока что ещё держусь... *Пока что...*

Нужно было начинать говорить – Дикая уже смотрела на меня подозревающим взглядом. Что она могла подозревать?.. Что?.. Что?.. Что?..

– Там было... Просто ужасно. Толпа, крики, цвета, всё в куче... Нас чуть не порвали в клочья... – Сердце колотилось. – Кажется, от нас фанатеют... Я совсем не понимала, что они говорят.

– В смысле?

– Почти все здесь говорят на другом языке...

– А. Ясно.

Я была рассредоточенной и явственно чувствовала, как крошатся все мои попытки сфокусироваться на цепке моих хаотичных мыслей с целью обратить их в многосложные предложения. Необходимо было срочно переводить стрелки. Дикая потянулась за очередной виноградиной...

– Ты всерьёз от нас отказалась.

– Дура, – Дикая прищурилась, но на меня не посмотрела, – вы им живыми нужны. Из-за моей боевой стойки никто вас не убьёт. По крайней мере, вне шоу.

– А с чего ты взяла, что специально для этого мероприятия не будет устроено отдельное шоу?

– Публичная казнь? Слишком много чести для тебя одной.

– То есть ты, в отличие от всех остальных, каким-то невероятным образом вывела формулу, согласно которой все угрозы любых видов расправ, бросаемые в нашу сторону, от-

крылись тебе пустышками?

– Хм... Что ж, можно и так сказать.

– Ты могла бы снизойти со своей высоты и подсказать мне – я бы тоже позволила себе отказаться от участия, которым “якобы” прикрывала твою задницу.

– Согласно моим подсчетам, всем не участвовать нельзя. Да и я хотела увидеть тебя в платье. Отстойно, кстати, выглядишь. Платье – не твой стиль. И красно-зелено-синие тени выглядят... Фу. Даже знать не хочу, как раскрасили остальных.

Я скрестила руки на груди и повела непривычно голыми плечами – видимо бретельки не вошли в моду даже после того, как весь мир рухнул в тартарары :

– Ты ведь сказала, что мне идёт.

– Присмотрелась получше. Забудь о платьях – вернись в штаны.

– А знаешь, – я сдвинула брови, – как раз тебе платье очень пошло бы! – я так сказала потому что знала наверняка, что она даже мысленно не способна совместить свой дикий образ с платьями. Неужели я хотела её ужалить?.. Но не укусить ведь. Нет, не укусить... Спокойно... Спокойно... – Тебе подошло бы красное или чёрное платье, – продолжала цедить сквозь зубы я.

– Ну, этого мы никогда не узнаем...

В этот момент дверь позади меня так резко распахнулась, что мои короткие волосы развилась от быстрого потока воз-

духа.

– Не зарекайся, – громко прозвучал уверенный мужской баритон за моей спиной.

Когда я обернулась, незванный гость уже переступил порог и дверь за его спиной уже была закрыта. Мои глаза округлились от увиденного. Выше меня на полголовы, зелено-синие глаза с серебристыми вкраплениями в радужках – как я могла видеть такие подробности при столь тусклом освещении?! но ведь я вижу! – темноволосый, широкоплечий и крепкий, он напоминал живую скалу. Это был... Он. Тот самый мужчина, который вырубил меня в подземелье, приснившемся мне в бреду... Или... Не приснившемся?.. Что за... Что...

Без спроса вошедший даже не смотрел на меня. Неотрывно сверлил взглядом Дикую, хотя я стояла ближе к нему... Как будто меня вовсе не было в комнате. Я поспешно перевела свой взгляд на Дикую и сразу же удивилась ещё больше. Она смотрела на него так... Как не смотрела ни на кого и никогда. До сих пор я даже не подозревала, что она способна на подобный взгляд... Глубоко ошарашенный?..

– Мы знакомы? – задал крайне неожиданный вопрос вошедший. Он обращался исключительно к Дикой, и в его голосе звучала толика сомнения.

– Нет, – категорично и даже с вызовом ответила на странный вопрос Дикая. Ещё одна странность: я удивилась такому ответу. Наверное всё из-за её взгляда... Он как будто бы противоречил словам Дикой или, быть может, наоборот под-

черкивал их... Я запуталась.

– Кто ты такой? – решила встрять я.

– Завтра будет греметь бал, – он всё ещё буквально сверлил своим пронзительным взглядом Дикую. Кажется, они оба поклялись себе не моргать первыми. – Ты добровольно пойдёшь на него. В противном случае я лично выведу тебя на это мероприятие за шкурки, как строптивного, дикого котёнка, и вся твоя бравада при всех обратится в прах в моих руках. – Я застыла с отвисшей челюстью. Кем бы этот человек ни был, он не стал дожидаться от оппонентки категоричного отказа – просто сразу перешел к атаке. Не сводя глаз с Дикой, он не останавливался и только поднимал планку своих позиций. – Твоя подруга уже позаботилась о целостности замка двери этого номера, так что не думай, что в случае твоих закидонов мне составит труд осуществить обещанное. Завтра здесь будет Фло, ты наденешь платье, которое он тебе принесёт, позволишь накрасить своё миловидное личико и выйдешь вместе с остальными. Надеюсь, я достаточно ясно объяснил все детали. В противном случае начнётся *настоящая жестокость*.

Я успела только моргнуть: он вышел в коридор так же мгновенно, как вошел в комнату. Вот он был – вот его нет... Может вообще померещился?.. У меня ведь, кажется, крыша едет...

Я резко перевела свой ошарашенный взгляд обратно на Дикую. Её глаза всё ещё были распахнуты до предела. Зна-

чит, мне не показалось.

– Кто это был? – я далеко не сразу смогла найти голос в недрах своего оторопевшего нутра.

– Впервые вижу его, – Дикая поспешно отвела свой растерянный взгляд и вдруг задумчиво коснулась пальцами подбородка.

Что бы это могло значить?.. Я не понимала... То ли она врёт, то ли не врёт, то ли растеряна, то ли не удивлена, то ли... Что-то определённо точно ускользало из поля моего зрения.

– Ты сломала замок моей двери. Этой ночью мы поменяемся комнатами. В счёт урона.

– А если он снова явится сюда?!

– Можем спать в одной комнате. Но на полу будешь спать ты. Так и быть, я отдам тебе твоё одеяло и можешь забрать ещё моё.

– Мне без надобности. У меня, похоже, клиническая бессонница... – Я надеялась, что она обратит внимание на это моё признание, но она слишком быстро и сильно углубилась в какие-то свои мысли, явно вызывающие в её нутре серьёзные волнения. Я видела, что сейчас она переживает не просто беспокойство, а нечто более серьёзное... Немного подождав, но не дождавшись прогресса, я решила спросить. – Ты ведь разрабатывала план?

– Какой ещё план?

– План побега. Последние сутки ты работала над ним?

– Конечно, – она вдруг неоднозначно махнула рукой, что стало для меня очередной потрясающей неожиданностью.

– Тринидад? – я повела бровью.

– Я просто дрыхла сутки напролёт.

– Ч-что?..

– Спала.

– Спала?!

– Всем нормальным людям необходим крепкий и здоровый сон.

Да. Конечно. Здоровый сон. Тот, которого у меня не было и в помине. И тот, на который у меня всё ещё не было и намёка, не то что надежды. Она вообще услышала мои слова о бессоннице? Было бы неплохо, если бы она впервые за всю историю нашего знакомства всё же решила полезть ко мне в душу... В ней сейчас такое творится, что я была бы не прочь, если бы в неё кто-то залез и хорошенько прибрался бы там... А тем временем Дикая была занята своими собственными переживаниями. Внезапно она сорвалась с места и, прошествовав мимо меня полководческим шагом, распахнула дверь в коридор.

– Эй, ♂20-1107, подойди-ка сюда... – Спустя несколько секунд парнишка уже стоял рядом со мной. Снова закрыв дверь, Дикая вцепилась в него взглядом, словно хищный сокол когтями в беспомощную рыбку. – Кто это был?

– Кто? – парнишка невинно захлопал своими светлыми ресницами.

– Не тормози! Тот мужчина, который только что заходил в мой номер.

– Это был Абсолютный.

Мы с Дикой переглянулись. Она вновь посмотрела на парня:

– Абсолютный? И что это значит?

– Безупречный человек, непобедимый... Абсолютный.

– Хм... – Дикая как будто что-то поняла, но до меня всё ещё не доходило. – И много в Парадизаре таких Абсолютных?

– Абсолютный единственный.

– И неповторимый, – сквозь зубы рассерженно процедила Дикая. Она явно что-то понимала. То, что напрочь ускользало от моего понимания. – Ты пробовал сбегать из Парадизара?

ЧТО?! Вот так вот – вот?! Он ведь может нас сдать за такие вопросы, а последствия непредсказуемы!

– Не получится. Парадизар находится под контролируемым защитным силовым полем. Как Паддок и Конкур. Выхода отсюда нет.

– Выход есть всегда.

– Эй, – я резко оттянула Дикую назад, растерянно глядя то на нее, то на ♂20-110. – Не стоит... – Я не знала, как одновременно попросить их обоих поприкусывать языки.

– Я никому не скажу, – парень одарил меня почти детским взглядом. Такого взгляда у Дикой никогда не было, хотя она

была на два года младше него. Вновь словив мой взгляд на себе, парень решил повторить более убедительным тоном. – Я никому не скажу. Честно.

Да что с Дикой такое?! Ведёт себя так опрометчиво, как будто... Как будто в неё, а не в меня проникла Сталь!

Глава 8.

♂20-1107 помог Дикой перенести матрас с её кровати в мою комнату. Кровать всё-таки отжала себе она, так что сейчас я лежала на матрасе вплоты к панорамному окну, за которым разливалась ночная чернота. Тонны косметики со своего лица я отмывала не меньше десяти минут, а после боялась смотреть в зеркало... В какой момент я не смогу скрывать свою зараженность?.. Каким образом будет лучше расстаться с жизнью? Просить Дикую убить меня было бы признаком бессердечности, а у меня сердце есть, ведь я так отчётливо ощущаю его тяжесть в своей грудной клетке, как саму тоску...

– Парадизар, как Паддок с Конкурором, под силовым куполом, – вдруг задумчивым тоном заговорила в темноте слева от меня Дикая. – Но есть существенная разница: в Парадизаре находится контроль над всеми силовыми полями. Так что... Мы отключим все поля здесь. Так и сбежим.

– Это не план. Это фантазия, – смело заметила я.

– Не будь идиоткой. Любой план изначально рождается из фантазии.

Мы немного помолчали. А потом я вдруг сказала:

– Странное ощущение: будто в Паддоке мы были более свободными, чем сейчас, лежа на этих удобных матрасах под защитой потолка и стен. – Немного подумав, я добавила. –

Здесь все Уязвимые.

Сначала Дикая молчала, а потом, выждав примерно минуту, совершенно неожиданно выдала:

– Не пойму, каким образом ты не обратилась в Блуждающую? Лекарства ведь нет, а тебя определённо точно укусили... Неужели здесь вывели вакцину от Стали?

Я прикусила нижнюю губу. Сказать ей сейчас? Или потянуть до момента, когда станет невозможно скрывать, и она сама всё поймёт? Тогда и разберёмся. Или лучше сейчас...

Пока я тянула, Дикая внезапно засопела. Причём очень тихо. Однако не для моего обострившегося слуха...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.